

Брак по расчету. Златокудрая Эльза

2 произведения в одной книге!

«Брак по расчету»

Графиня, мать Юлианы, не привыкла ни в чем себе отказывать, а ее дети вынуждены сами зарабатывать на жизнь. Когда руки Юлианы попросил барон Майнау, самый богатый жених Германии, графиня с радостью согласилась. Юлиана подчинилась воле матери, не зная, что женитьба на ней стала мстью барона его неверной возлюбленной. Однако скоро она узнает правду и...

«Златокудрая Эльза»

Племянница лесника Эльза стала подругой хозяйки поместья Елены и предметом обожания ее брата Рудольфа. Но он не может жениться на простолюдинке. А родовитый ловелас Гольфельд, напротив, стремится любой ценой завладеть Эльзой, хотя у нее нет ни имени, ни наследства. Или в прошлом ее семьи есть тайна, которая дороже золота? Эльза должна разгадать ее, только тогда она найдет свою любовь...

**БРАК ПО РАСЧЕТУ
ЗЛАТОКУДРАЯ ЭЛЬЗА**

Евгения Марлитт

Евгения Марлитт

Брак по расчету. Златокудрая Эльза

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

© Jon Paul, обложка, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

ISBN 978-966-14-5418-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Бідна як церковна миша дворянка й молодий барон Майнау, чия заможність може суперничати лише з його красою... Що між ними може бути — шлюб із розрахунку, шлюб із помсти колишній коханій або шлюб, укладений на небесах? («Шлюб із розрахунку»)

Сьогодні вона дає уроки музики в маєтку й боїться зізнатися навіть собі, що палає коханням до його господаря. Але руїнам старого замка недовго залишилося зберігати таємницю, яка змусить не одного чоловіка милуватися золотокудрою Ельзою... («Золотокудра Ельза»)

Марлитт Е.

М28 Брак по расчету. Златокудрая Эльза : романы / Евгения Марлитт ; худож. А. Семякин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2013. — 592 с. : ил.

ISBN 978-966-14-4786-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2303-0 (Россия)

Бедная как церковная мышь дворянка и молодой барон Майнау, чье богатство может соперничать лишь с его красотой... Что между ними может быть — брак по расчету, брак из мести бывшей возлюбленной или брак, заключенный на небесах? («Брак по расчету»)

Сегодня она дает уроки музыки в поместье и боится признаться даже себе, что сгорает от любви к его хозяину. Но развалинам старого замка недолго осталось хранить тайну, которая заставит не одного мужчину обратить на златокудрую Эльзу свой взор... («Златокудрая Эльза»)

УДК 821.112.2

ББК 84.4Г

Брак по расчету

Глава 1

Над прудом, высоко в синем весеннем небе, виднелось неподвижное черное пятно. В серебристой воде играло множество рыб; все было здесь так уединенно и безмолвно, что даже старые гигантские деревья, окаймлявшие зеркальные воды, не могли защитить их обитателей от крылатого хищника, стремительно падавшего с поднебесья за добычей и нарушавшего веселую жизнь водяного царства. Сегодня, однако, он не решался спуститься, так как, против обыкновения, здесь было много людей, и взрослых и детей, и последние кричали, шумели и бросали в него своими пестрыми мячиками; распряженные для отдыха лошади громко ржали и копытами взрывали прибрежную землю, а сквозь кроны деревьев неслись к небу легкие облачка дыма. Людской шум и дым не нравились хищнику, и он, мрачный, стал подниматься все выше и выше, подальше от детских голосов, пока совсем не скрылся, и тяжеловесное тело его будто рассыпалось и рассеялось в голубом эфире.

На левом берегу пруда уютилась рыбацья деревенька — домиков в восемь. Они стояли поодаль один от другого, под сенью столетних лип, ветви которых спускались так низко, что соломенные крыши чуть ли не касались нижних ветвей; с южной стороны домиков росли кусты шиповника и боярышника, вдоль стен были развешаны сети и сачки, а перед входными дверями стояли деревянные скамейки — все это резко выделялось на светлом фоне прибрежья.

Но напрасно ваш взгляд стал бы искать крепкие фигуры рыбаков: их тут не было. Хорошо было и то, что громадный парк со своими вековыми деревьями совершенно скрывал лежавшую за ним столицу; создавалось впечатление, что находишься в патриархальном центре сельской жизни, пока не отворилась дверь одного из домиков.

Если бы германский герцог мог предвидеть, что за безвинный Малый Трианон блестящая французская королева поплатится впоследствии головой, то рыбацья деревенька, наверно, никогда не была бы построена. Но он не обладал даром предвидения, потому это прелестное подражание вот уже более ста лет стояло на берегу пруда, представляя собой снаружи первобытную идиллию, внутри же вполне удовлетворяя всем прихотям избалованного роскошью человека. Если бы вы вошли в один из домиков, ваша нога утонула бы в богатейших пушистых коврах; мебель и стены были обиты тяжелыми шелковыми материями, простенки скрывались под зеркалами, хотя по наружности домики и кокетничали бедностью и простотою. Но нельзя же было, в самом деле, обедать за белым деревянным столом, а тем более отдыхать после упоительных игр на жесткой деревянной скамейке!

Герцогский дом, одному из владельцев которого рыбацья деревня была обязана своим существованием, строго придерживался старинного обычая, по которому каждый наследник престола должен был посадить липу на восьмом году своей жизни. Таким образом луг, раскинувшийся на левом берегу пруда и прозванный Майенфестом, сделался историческою знаменитостью, чем-то вроде генеалогической таблицы. Случалось, что посаженная герцогской рукой липа не принималась, но были в Майенфесте и поистине редкие экземпляры. Вековые исполины, стволы которых были покрыты серо-зеленоватым мохом, точно панцирем, простирали длинные ветви над своими потомками и над слабыми деревцами, которые — увы! — и здесь встречались, несмотря на то что были посажены рукой герцогского сына.

Именно сейчас, в мае, наступила очередь наследного принца Фридриха. Само собой разумеется, двор и лояльная столица праздновали этот день по предписанному издавна обычаю. Были приглашены все дети лиц, принимавшихся во дворе; менее счастливые, не имевшие ни баронской, ни дворянской короны, тоже приехали со своими родителями, чтобы хоть издали видеть, как наследный принц будет управляться с заступом. За Вагенбургом тянулось по дорогам и тропинкам множество народа, а молодые парни влезали на деревья, служившие, бесспорно, самыми лучшими наблюдательными пунктами.

Торжество было двойное. Полтора года тому назад умер владетельный герцог, отец наследного принца, и только сегодня вдова его, красавица герцогиня, сняла траурный наряд, который носила так долго.

Она стояла тут же, возле только что посаженной липки. При взгляде на нее нельзя было ни минуты усомниться в том, что она здесь царица всего собрания. Она была вся в белом, только у пояса приколот бледно-розовый цветок шиповника, да от пунцовой подкладки маленького зонтика, который она держала над непокрытой головой, падала розоватая тень на ее лицо, на прямой, остренький, очень маленький носик и полные, хотя и бледные губы. Неправильные черты лица, густые, как грива, с синеватым отливом волосы, легкая синева под глазами и тот восковой, безжизненный цвет лица, который так часто служит признаком страстной природы, придавали ее лицу красоту испанской креолки, хотя, разумеется, в жилах немецкой герцогини не было ни капли этой крови.

Она следила за полетом хищника так же внимательно, как и толпа детей, сопровождавшая восторженными криками его исчезновение.

— Ты опять не кричал с нами, Габриель, — сердито заметил маленький мальчик стоявшему около него другому, постарше, белое полотняное платье которого резко отличалось от изящных костюмов прочих детей.

Мальчик не ответил, а растерянно и смущенно опустил глаза, и это страшно рассердило младшего.

— Разве тебе не стыдно перед другими мальчиками, негодный мальчишка?.. Кричи сейчас же ура! И мы тоже закричим, — приказывал и в то же время подбадривал он.

Мальчик в белом платье в испуге отвернулся. Он хотел было уйти, как вдруг маленький мальчик с быстротой молнии поднял свой хлыст и ударил им несчастного по лицу.

Остальные дети мигом разбежались, и дрожащий от гнева мальчик на несколько минут остался один. Это был идеально красивый ребенок, в изящном зеленом бархатном костюме, с чудными каштановыми локонами, преисполненный силы и величия; наследный принц, брат его и вся их детская свита не могли бы с ним сравниться.

Бедная и испуганная наставница его поспешила к нему, но герцогиня остановила ее и взяла его за руку, крепко сжатую в кулак.

— Это нехорошо, Лео, — сказала она, но в голосе слышалось более нежности, чем гнева.

Мальчик резко высвободил свою руку из мягкой, бархатной руки герцогини и, бросив искоса взгляд на удалявшегося побитого им товарища, развернулся на каблучке.

— Что ж такого! — проворчал он. — И поделом ему! Папа его тоже терпеть не может и говорит: «Этот трус боится даже своего собственного голоса».

— Положим, что так, маленький упрямец; тогда для чего же ты настаиваешь, чтобы этот Габриель сопровождал тебя всюду? — спросила, улыбаясь, герцогиня.

— Потому... ну, потому что я так хочу!

С этими словами Лео гордо поднял свою кудрявую головку и, повернувшись спиной ко всему обществу, как будто оно для него и не существовало, скрылся за одним из домиков. Он пошел в обход к той старой липе, за которой спрятался обиженный им мальчик.

Бедняжка одиноко стоял, прислонившись к дереву. То был мальчик лет тринадцати, с выразительным, печальным лицом, скорее не худой, а стройный, с изящной фигуркой. Он намочил в пруду платок и приложил его к левой щеке, между тем как губы его нервно подрагивали, не так от боли, какую причинил ему удар хлыстом, как от внутреннего волнения.

Маленький Лео обошел вокруг него несколько раз, порывисто щелкая в воздухе хлыстом.

— Тебе очень больно? — спросил он вдруг коротко и резко, мрачно сдвинув брови и топнув ногой.

Габриель отнял от лица платок, чтобы снова смочить его водой, открыв шедший поперек щеки красный рубец.

— О нет! — отвечал Габриель кротким, в высшей степени благозвучным голосом. — Только жжет немного.

В одно мгновение хлыст очутился на земле, и с раздирающим душу криком Лео бросился Габриелю на шею.

— Я слишком дурной мальчик! — воскликнул он. — Вон там лежит мой хлыст, Габриель, возьми его и прибай меня также!

Прочие дети смотрели, разинув рот, на этот неожиданный порыв горького раскаяния. Герцогиня тоже была недалеко; должно быть, странное ощущение овладело ею, потому что она стремительно

бросилась к ребенку, прижала его к сердцу и стала осыпать поцелуями его красивое лицо.

— Рауль! — едва слышно прошептала она.

— Ах, глупости! — проворчал мальчик, с силой высвобождаясь из ее объятий. — Раулем зовут моего отца!

На бледных щеках герцогини вспыхнул яркий румянец, она выпрямилась и с минуту оставалась неподвижной, потом медленно повернула голову и робко и нерешительно огляделась; дамы, только что стоявшие неподалеку, теперь исчезли за дверью ближайшего домика.

Глава 2

По дороге из столицы катился придворный экипаж; в глубине его сидел господин, а рядом с ним на голубых шелковых подушках лежали принадлежности для игры в крокет. Карета только свернула на главную дорогу, пролегавшую вдоль пруда, как из чащи показался пешеход. Находившийся в карете господин тотчас же велел кучеру остановиться.

— Здравствуй, Майнау! — воскликнул он. — Не сердись на меня, если я замечу, что тебя ждут с замиранием сердца, а ты бродишь бог знает где!.. Липа уже давно стоит, и ты лишил дом Майнау возможности с гордостью передавать из рода в род предание, что твоя рука держала ствол липы в то время, когда Фридрих XXI засыпал землей ее корни.

— За это когда-нибудь завесят мой портрет траурным флером.

Господин в экипаже засмеялся и, отворив дверцу, движением руки пригласил Майнау сесть в экипаж.

— Как! Сесть в карету, Рюдигер? Нет, благодарю покорно! — воскликнул с комическим ужасом Майнау. — Я, слава Богу, еще не страдаю подагрой! Поезжай далее с гордым сознанием исполненной тобой миссии! Ведь ты должен был привезти забытый крокет, счастливец?

Рюдигер выскочил из экипажа, захлопнул дверцу и, приказав кучеру ехать вперед, пошел вместе с Майнау по тропинке, ведшей через парк к рыбацьей деревне... Странно было видеть их вместе: приехавший в экипаже был маленьким, полным и чересчур подвижным; товарищ же его был очень высок, так что ему приходилось часто раздвигать нижние ветви деревьев, чтобы не задеть их головой. Этот человек обладал незаурядной наружностью; в выразительном лице и во всех его движениях замечался какой-то демонический огонь, то мечтательно светившийся в его глазах, то через минуту заставлявший нежную, мягкую руку его сжиматься в кулак, точно она готовилась свалить на землю ненавистного

противника. Своевольный мальчик, которого мы видели в рыбацкой деревне, был невероятно похож на него.

— Так пойдем! — сказал Рюдигер. — К несчастью, на обед сегодня мы не опоздаем ни в коем случае... Брр! Детская кашка и пудинги во всевозможных видах!.. Выговора я также не боюсь, потому что приведу тебя с собой... *À propos*[1], ты дня на два уезжал, как сообщил твой Лео герцогине?

— Да, уезжал, достойнейший друг.

В этом лаконичном ответе звучала такая ирония, что у маленького подвижного господина вопрос «куда?» так и замер на губах... Они только что вышли из чащи, как перед ними открылся вид на спокойную поверхность пруда и рыбацкую деревеньку, расположенную на другой его стороне.

Под липами были расставлены покрытые белоснежными скатертями столы. Между ними и тем из домиков, у дверей которого был виден герцогский повар в белом колпаке, суетившийся у плиты, бегали взад и вперед официанты — готовился обед.

Взволновавшая всех сцена, разыгранная маленьким Лео, была давно забыта; дети играли в разные игры, и все способные бегать принимали участие в игре — и грациозные фрейлины, и стройные камер-юнкеры. И даже менее подвижные кавалеры, толстяки и страдающие одышкой обер-гофмейстеры ковыляли, похлопывая в ладоши, среди групп резвившихся детей.

Герцогиня подошла так близко к берегу пруда, что вода едва не касалась ее ног. Точно белоснежный лебедь, тихо колыхалось ее отражение в зеркальной поверхности. Некоторые из приближенных дам принесли ей венок из дикого винограда и полевых цветов; он оттенял ее лоб и спускался длинными зелеными гроздьями на ее роскошные плечи.

— Офелия! — воскликнул барон Майнау вполголоса, в патетическом жесте подняв руку, и в тоне, каким он это произнес, прозвучал неприкрытый сарказм.

Спутник его заволновался.

— Ну, к чему это, ведь это чистая комедия, Майнау! — воскликнул он негодуя. — Это может быть хорошо с дамами, которые трепещут перед тобой, как овечки, а не со мной.

Он сунул руки в карманы своего легкого пальто, поднял плечи и начал, лукаво улыбаясь:

— Однажды жили-были прекрасная, но бедная принцесса и блестящий, красивый молодой человек. Они любили друг друга, и ее высочество хотела отказаться от своего титула и сделаться простою баронессою... — Он на минуту умолк и бросил искоса взгляд на своего спутника, отметив, что красавец барон вдруг побледнел и, стиснув зубы, устремил такой жгучий взгляд в чащу, что, казалось, молодая листва должна была бы от него поблекнуть, а затем простодушно продолжил:

— Вдруг является кузен принцессы, владетельный принц, и просит ее прекрасной руки. Много горьких слез пролилось из чудных черных глаз; но под конец гордая кровь восторжествовала над страстью, и принцесса позволила возложить герцогскую корону на свои роскошные черные локоны... Положив руку на сердце, Майнау, — вдруг с живостью прервал он самого себя, — кто бы мог осудить ее тогда? Разве только глупые люди!

Майнау не положил руку на сердце и ничего не ответил; он в гневе сломал маленькую ветку, дерзнувшую коснуться его щеки, и далеко отбросил ее.

— Как должно биться сегодня ее сердце! — сказал Рюдигер после минутной паузы; он, видимо, желал во что бы то ни стало продолжить интересный для него разговор. — Траур по мужу кончен; герцогская гордость удовлетворена навсегда, потому что она герцогиня и всегда останется матерью владетельного принца; ты тоже свободен от своих брачных уз. Обстоятельства так отлично складываются... и теперь ты меня не надуешь! Мы знаем, что сегодня должно произойти.

— Как же вы проницательны, подумать только! — воскликнул Майнау с притворным изумлением.

С этими словами они вышли на открытую поляну, где стояли экипажи. Не желая быть замеченными резвившимися детьми и толпой народа, наши друзья предпочли идти по тропинке, пролегающей вдоль берега.

— Эй, малый, ты с ума сошел! — воскликнул вдруг Майнау, схватив за шиворот здорового мальчика-оборванца, который избрал себе очень опасный пост — он качался, сидя на тонкой ветке, склонившейся над прудом. Встряхнув парнишку несколько раз, как

мокрого пуделя, Майнау поставил его на ноги. — Положим, холодное купание не повредило бы тебе, любезный, — засмеялся он, похлопывая руками, затянутыми в изящные перчатки, — только я сомневаюсь в твоём умении плавать.

— Фу, как он грязен! — сказал Рюдигер, брезгливо морщась.

— Это правда, но уверяю тебя, что я не особенно брезглив к подобным прикосновениям — это просто плебейские замашки, в которых душа не принимает участия... Да, но, воля твоя, нам еще далеко до того совершенства, когда и тело наше проникнется аристократизмом и подобные замашки сделаются для него невозможными. Что? Ты не согласен?

Рюдигер с досадой отвернулся и ускорил шаг.

— Твой геройский подвиг замечен там, на Майенфесте, — сказал он торопливо. — Вперед, Майнау! Герцогиня покидает берег пруда... А вот и твой необузданный мальчик бежит!

Маленький Лео, обогнув пруд, быстро бежал навстречу отцу. Барон Майнау нежно поцеловал сына и повел его, взяв за руку.

Между тем игры на Майенфесте продолжались; герцогиня в сопровождении нескольких дам и кавалеров медленно приближалась к ним... Она обладала еще и воздушной походкой, неподражаемой грацией и гибкостью креолки... Да, мрачное траурное платье было сброшено, как сбрасывает пестрая легкокрылая бабочка безобразную куколку. Долг был исполнен, приличия строго соблюдены, наконец можно было надеяться на счастье, и глаза могли беспрепятственно гореть ярким пламенем страсти, что в настоящую минуту и происходило.

— Я должна побранить вас, барон Майнау, — сказала она нетвердым голосом. — Вы сейчас испугали меня своим героизмом, и потом, вы явились слишком поздно.

Он снял шляпу и, держа ее в правой руке, низко поклонился. Луч солнца заиграл на темных кудрях этого загадочного человека, перед которым женщины трепетали, «как овечки».

— Я вместе с другом Рюдигером мог бы заявить, что расстроен, — отозвался он, — но, боюсь, ваше высочество не поверит в это, когда я сообщу, что именно меня удержало.

Удивленная герцогиня взгляделась в его лицо — оно немного побледнело, но взгляд его, почти всегда загадочный, горел таким

диким торжеством, что она невольно прижала руку к сердцу; цветок у пояса сломался и упал незамеченным к ногам красавца.

Напрасно ждал он вопроса царственной женщины: она молчала и тоже ждала, затаив дыхание. После минутного молчания он, почтительно поклонившись, продолжил:

— Я был в Рюдисдорфе, у тетки моей Трахенберг, и осмелюсь доложить вашему высочеству, что обручился там с Юлианой, графиней Трахенберг.

Все присутствовавшие при этом разговоре точно окаменели. Но у кого достало бы мужества хотя бы одним звуком прервать это ужасное молчание или хотя бы бросить нескромный взгляд на герцогиню, которая стояла пораженная, крепко сжав побелевшие губы? Только племянница ее, молодая принцесса Елена, весело и непринужденно засмеялась и сказала:

— Что за дикая фантазия, барон Майнау, избрать себе жену с именем Юлиана? Юлиана! Фу! Ее иначе себе и представить нельзя, как с очками на носу.

Майнау тоже засмеялся, и как мелодичен и простодушен был его смех!.. Это был спасительный исход. Герцогиня тоже улыбнулась своими смертельно бледными губами. Она сказала несколько слов жениху таким невозмутимо спокойным голосом и с таким достоинством, как может приветствовать своего подданного только повелительница.

— *Mesdames*, — непринужденно обратилась она к группе молодых фрейлин, — к сожалению, я должна снять ваш прелестный венок: он давит мне на виски, а потому я удаляюсь на минуту... Встретимся за обедом!

Она отказалась от услуг, предложенных ей одной из придворных дам, вошла в домик и затворила за собой дверь.

Цвет лица ее всегда напоминал нежную белую лилию, а прекрасные глаза нередко горели тем жгучим огнем, в котором сказывается южная кровь; она, по обыкновению, улыбалась и приветливо кланялась и исчезла за дверью подобно воздушной фее. Никто бы и представить не мог, что, войдя внутрь, она, как сраженная молнией ель, бессильно упадет возле кушетки на устланный мягким ковром пол, с безумным хохотом сорвет с головы венок и, невыносимо страдая, вонзит тонкие ногти в драгоценную шелковую обивку...

Только на одну минуту, так как все ее время было строго расписано придворным этикетом, она могла предаться горю, а затем эти бледные губы должны были опять улыбаться, чтобы окружающие не сомневались, что кипучая кровь бесстрастно течет в ее жилах.

Между тем барон Майнау стоял с сыном, которого по-прежнему держал за руку, на берегу пруда и, по-видимому, с любопытством присматривался к движению толпы у Вагенбурга. Его поздравили, но все придворное общество явно было потрясено, и вскоре он остался один. Вдруг Рюдигер подошел к нему.

— Ужасная месть! Блестящий реванш! — проговорил он, и голос его еще дрожал от ужаса. — Бр-р... И я скажу, как Гретхен: «Генрих, мне страшно за тебя!..» Боже мой! Видел ли кто когда-нибудь, чтобы мужчина удовлетворил свое оскорбленное самолюбие так жестоко, чтобы он так утонченно и так безжалостно поразил свою жертву, как ты сделал это сейчас? Это безумно, смело, возмутительно!

— Потому что я выразился не в общепринятой форме и не заявил: «Теперь я не хочу!..» Неужели вы думаете, что я позволю себя женить?

Маленький подвижный господин искоса робко взглянул на него: этот утонченно вежливый Майнау бывал иногда очень резок, чтобы не сказать груб.

— Я утешаю себя тем, что при всей твоей жестокой и непреодолимой гордости ты все-таки очень страдаешь, — почти сердито сказал он после непродолжительного молчания.

— Надеюсь, что ты предоставишь мне возможность самому справиться с собою.

— Ах, боже мой! Разумеется... Но что же дальше?

— Что дальше? — рассмеялся Майнау. — Дальше свадьба, любезный Рюдигер.

— В самом деле? Да ведь ты никогда не бывал в этом Рюдисдорфе — это я наверняка знаю... Значит, это наскоро приобретенная невеста из Готовского альманаха?

— Угадал, друг.

— Гм!.. Она знаменитого рода, но... но Рюдисдорф, как известно, теперь опустел... Какова же она собою?

— Добрейший Рюдигер, это двадцатилетняя жердь с рыжими волосами и потупленным взором — больше я ничего не знаю. Ее зеркало должно лучше это знать... А, да что в этом?.. Мне не нужно ни

красивой, ни богатой жены — она должна быть только добродетельна, не должна так вести себя, чтобы мне пришлось за нее краснеть. Ведь ты знаешь мои воззрения на брак.

Та же самая жестокая, гордая улыбка, какая только что заставила побледнеть герцогиню, промелькнула на его губах — очевидно, он вспомнил о «блестящем реванше».

— Что же мне остается делать? — спросил он с наигранной беззаботностью после некоторого молчания. — Дядя прогнал гувернера Лео за то, что тот по ночам читал лежа в постели и носил сапоги со скрипом, а наставница имеет скверную привычку то и дело отводить глаза и мимоходом тайком лакомиться с подносов конфетами — она просто невозможна! Я же намерен в скором времени предпринять путешествие на Восток, *ergo*[2], мне нужна дома жена... Через шесть недель назначена моя свадьба — хочешь быть у меня шафером?

Маленький господин переминался с ноги на ногу.

— Что же с тобой поделаешь! Разумеется, я буду, — отвечал он полугневно, полусхотливо, — потому что из тех, — и он указал на группу перешептывавшейся и пересмеивавшейся молодежи, — из тех никто не пойдет к тебе в шафера, в этом ты можешь не сомневаться.

— Слышишь, Габриель, — сказал вслед за тем взволнованный маленький Лео своему товарищу, — новая мама, которая к нам скоро приедет, похожа на жердь, говорит папа, и волосы у нее рыжие, как у нашей судомойки... Я ее терпеть не могу, я не хочу ее и стану бить ее хлыстом, когда она приедет.

Глава 3

— **П**осмотри-ка, Лиана, подарок Рауля! Он стоит шесть тысяч талеров! — послышался голос графини Трахенберг из другой комнаты, после чего она сама показалась на пороге.

Зал, куда она вошла, находился в нижнем этаже одного из боковых флигелей замка. Весь его фасад представлял одну сплошную застекленную раму гигантских размеров с тонкими свинцовыми переплетами, отделявшую покои нижнего этажа от террасы. Отсюда открывался вид на лужайки, полные цветов и прорезанные дорожками, усыпанными мелким гравием; на пересечениях этих дорожек стояли скульптурные группы из белого мрамора. Этот изящный цветник был окружен рощей, казавшейся непроходимым лесом, и как раз против средней стеклянной двери зала пролегла сквозь чащу бесконечной длины прямая аллея, заканчивавшаяся высоко бьющим фонтаном, освещенным теперь чудным сиянием майского солнца.

В общем замок и сад являли собой образец старофранцузского вкуса, но — увы! — на каменном фундаменте террасы зеленел мох, ступени поросли травой, которая пробивалась и на дорожках. Даже на широкой аллее виднелась изумрудная трава... Но чего только не рассмотрелся потолок прилегавшего к террасе зала, украшенный великолепную живописью! Теперь он печально нависал над расставленной у стен мебелью в стиле рококо. Эта мебель, уже вышедшая из моды, давно была изгнана из парадных комнат замка, выдержала все стадии унижения и, наконец, дожила до того, что была перенесена в комнату конюха и в числе прочего хлама скрывалась под густым слоем пыли... Но вот она опять очутилась на прежнем месте, как неподкупный свидетель превратностей судьбы. Вытеснившая ее когда-то роскошная обстановка — новая изящная мебель, кружевные гардины, часы, картины, зеркала — все подверглось общей неизбежной участи, все пошло с молотка и разошлось на все стороны, и тогда-то старинная мебель, не подлежавшая как фидеикоммис[3] секвестру[4], наложенному на все имущество графа Трахенберга, поставлена была на прежнее место. Этот «постыдный признак

беспокойного времени, возмутительная победа, которую правосудное небо не должно было бы допускать», как постоянно повторяла графиня Трахенберг, случился четыре года тому назад.

Среди этого зала стоял длинный дубовый стол, за одним концом которого сидела девушка, поразительно некрасивая собой. Можно было просто испугаться при виде этой непомерно большой головы с жесткими рыжими волосами и с физиономией негра, с тою только разницей, что кожа ее, хотя и покрытая веснушками, была необыкновенно бела и нежна. Только проворно работавшие руки были чудно хороши, точно изваянные из мрамора. Девушка вертела между пальцами ветку лиловой сирени, и, казалось, чудный аромат исходил от этой ветки и наполнял комнату — так свежа была она; но стебелек ее в эту минуту обвивался тонкой полоской зеленой бумаги, почему только и можно было догадаться, что это был искусственный цветок.

При появлении графини девушка вздрогнула от испуга, цветок полетел в сторону к прочим материалам, а на молчаливых свидетелей ее занятий был сброшен платок.

— Ах, мама! — воскликнула вполголоса юная девушка, стоявшая у другого конца стола, спиною к двери.

Волосы ее, рыжие с красноватым отливом, были совершенно распущены и, подобно золотой мантии, покрывали ее плечи до самого подола ее светлого кисейного платья.

Увидав ее с распущенной косой, графиня на секунду замедлила шаг.

— Почему ты растрепана? — спросила она, указывая на волосы.

— Я возвратилась домой с сильной головной болью, милая мама, и поэтому Ульрика расплела мне косы, — робко ответила молодая девушка. — Ах, это ужасная тяжесть! — вздохнула она и запрокинула голову, как бы изнемогая под тяжестью роскошных волос.

— Ты опять бродила по этой жуткой жаре и нанесла сюда негодной травы для забавы мужиков? — спросила графиня гневно и строго. — Когда же настанет конец этому ребячеству?

Она пожала плечами и бросила презрительный взгляд на стол. На нем лежала целая кипа папиросной бумаги рядом с прессом, из-под которого молодая девушка только что вынула несколько орхидей, чтобы уложить их в гербарий. Ее сиятельство графиня Трахенберг, урожденная княжна Лютовиская, знала очень хорошо, что старшая

дочь ее, графиня Ульрика, занималась изготовлением искусственных цветов, которые посылались в Берлин, где весьма неплохо оплачивались; в этом деле ей помогала старая кормилица, и никто не подозревал, что голову искусной художницы украшала графская корона... Графине также было известно и то, что ее единственный сын и наследник замка Трахенберг с помощью своей сестры Юлианы отлично высушивал презренную, непотребную траву и в виде комплекта образцов чужеземной флоры продавал в Россию от чужого имени. Но урожденная княжна Лютовиская не должна была этого знать — и горе той руке, которую она застала бы за неприличной работой, или языку, который решился бы намекнуть на источники увеличения доходов семьи: это было просто забавой, на которую следовало смотреть сквозь пальцы, — и более ничего!

Проходя мимо, графиня подхватила волосы дочери и взвесила в руке их «ужасную тяжесть»; что-то похожее на чувство материнской гордости промелькнуло на ее еще прекрасном, с резкими чертами лице.

— Рауль должен бы это видеть, — сказала она. — Глупенькая, ты скрыла от него свое лучшее украшение! Я никогда не прощу тебе тех огромных бархатных бантов, которые ты придумала надеть на голову в первый визит его к нам... С такими волосами...

— Да ведь они рыжие, мама.

— Вздор! Вот эти рыжие, — сказала она, указывая на другую свою дочь, Ульрику. — Боже меня избави от двух рыжих голов! За что такое жестокое наказание?

Графиня Ульрика, вынувшая между тем из кармана какое-то вышивание, сидела, как статуя, и слушала беспощадные слова эти с невозмутимым спокойствием. Ни один мускул на ее лице не дрогнул: ведь ее красавица мать была права. Сестра подбежала к ней и, ласкаясь, положила голову ей на грудь, а потом принялась с нежностью целовать ее рыжие волосы.

— Сентиментальности без конца! — раздраженно проворчала графиня Трахенберг и положила на стол принесенный с собой большой пакет.

Взяв со стола ножницы, она торопливо вскрыла его и вынула оттуда футляр с ожерельем и белую шелковую материю, затканную серебряными арабесками.

С необыкновенною жадностью набросилась она на футляр, открыла его и, держа в вытянутой руке, устремила испытующий взгляд на подарок; при этом она едва могла совладать с охватившим ее чувством неприятного удивления и зависти.

— Посмотрите-ка! Моя скромная овечка предстанет пред алтарем более прекрасной, нежели знаменитая княжна Лютовиская, — проговорила она медленно, подчеркивая каждое слово и играя в лучах солнца ожерельем из бриллиантов и крупных изумрудов. — Да, конечно, для Майнау это возможно! А ваш отец был бедняк, я должна была бы еще тогда это заметить.

Ульрика вскочила, как будто мать ударила ее по лицу; в некрасивых, но выразительных, опущенных длинными ресницами голубых глазах ее сверкнула искра негодования; но, овладев собой, она села и, продергивая зеленую нить в шитье, сказала серьезным, монотонным голосом:

— Трахенберги обладали тогда большим состоянием, оценивавшимся в полмиллиона. Они, кажется, всегда отличались бережливостью и умением жить, и мой дорогой отец оставался верен этим добродетелям до сорокового года своей жизни, когда он женился... Я вместе с чиновниками пыталась пролить свет на этот хаос, а поэтому знаю, что отец обеднел только вследствие своей безграничной уступчивости.

— Бессовестная! — выкрикнула графиня, и приподнятая рука ее невольно сжалась в кулак, но в ту же минуту опустилась в презрительном жесте. — Ты всегда защищаешь твоих Трахенбергов; у меня с тобой ничего нет общего, кроме того, что я дала тебе жизнь. Ты в этом еще больше убедишься, когда посмотришь на всех своих предков, собранных в портретной галерее, где рыжеволосые обезьяны покрывают стены сверху донизу! Недаром я плакала и проклинала судьбу, когда тридцать лет тому назад положили мне на колени новорожденное чудовище, живую Трахенберг!

— Мама! — воскликнула Лиана.

— Успокойся, успокойся, дитя! — уговаривала ее, кротко улыбаясь дрожащими губами, сестра.

Она свернула свою вышивку и поднялась с места. Сестры были одинакового роста, стройные, как сильфиды, с благородными

красивыми руками и ногами, гибкой талией и по-детски неразвитым бюстом.

В то время как мать гневно бросила на стол футляр с ожерельем, Ульрика не спеша развернула шелковую материю. Необыкновенно плотная, она скорее походила на парчу времен наших прабабушек и была такой тяжелой, что выскользнула из ее рук и, шурша и шипя, упала на паркет. Бросив испуганный взгляд на драгоценную ткань, Лиана отвернулась и стала всматриваться вдаль так пристально, как будто решила во что бы то ни стало пересчитать золотистые брызги отдаленного фонтана, сверкавшие на солнце подобно алмазам.

— Ты будешь величественной невестой, Лиана... Ах, если бы отец мог видеть тебя! — воскликнула Ульрика.

— Рауль издевается над нами, — прошептала глубоко оскорбленная девушка.

— Он издевается над нами? — переспросила графиня, от тонкого слуха которой не ускользнули слова дочери. — В своем ли ты уме? Не будешь ли так любезна объяснить мне, каким образом может он издеваться над Трахенбергами?

Лиана молча указала на полинявшую обивку старомодной мебели, возле которой лежала роскошная ткань на подвенечное платье.

— Можно ли вообразить себе более поразительный контраст, мама? Разве это не бестактно, не унизительно перед лицом бедности? — возразила она, стараясь преодолеть страх, внушаемый ей матерью.

Графиня Трахенберг всплеснула руками:

— Боже мой! И это я, я произвела на свет такие пустые головы с плебейскими воззрениями, которые меряют свое высокое положение на аршин торговца!.. Унизительно! И это говорит графиня Трахенберг!.. Ты снисходишь до Майнау, согласившись на эту партию... Пойми ты это!.. Неужели я должна напоминать тебе, что твоя мать происходит по прямой линии от польских королей, а твои предки со стороны отца еще до крестовых походов были владетельными князьями? И если бы Рауль бросил к твоим ногам все сокровища мира, то и тогда это не перевесило бы знатность твоего безупречного рода... Он не насчитает и десяти поколений предков, и ты скорее идешь на *mesalliance*[5]. Если бы мне не была невыносима мысль, что у меня дома торчат две незамужние дочери, то я никогда не согласилась бы на его

предложение. Он и сам хорошо это знает, в противном случае он не взял бы тебя в жены так необдуманно.

Молодая девушка стояла неподвижно, опустив сцепленные руки. Красновато-золотистые волосы ее падали теперь и на грудь, почти скрывая ее профиль, между тем как сестра ее молча, скорым шагом ходила взад и вперед по залу.

В эту минуту дверь, выходящая в коридор, осторожно отворилась, и в ней показалась старая кормилица, исполнявшая теперь обязанности кухарки.

— Осмелюсь доложить вашему сиятельству, — сказала она почтительным и тихим голосом, — почтальон еще тут; он не хочет больше ждать.

— Ах да! Я совсем забыла о нем. Ну, пусть он дождетя, пока я выйду к нему. Дай ему чашку кофе в кухне, Лена!

Служанка ушла, а графиня вынула из кармана записку.

— Почтальону надо дать на чай, да по этой повестке мы должны уплатить сорок талеров. Реймские купцы до того дерзки, что высылают заказанное мною для свадьбы шампанское наложенным платежом! Заплати! — обратилась она к Ульрике, подавая ей счет.

Яркая краска разлилась по некрасивому лицу дочери.

— Ты заказала шампанское, мама! — воскликнула она с изумлением. — О боже, и на такую громадную сумму!

Графиня Трахенберг злобно усмехнулась, показав при этом целый ряд искусственных зубов.

— Неужели ты думала, что я стану угощать гостей на свадебном завтраке смородиновой наливкой твоего изготовления? Впрочем, как я уже говорила, я никак не ожидала такой бессовестности со стороны купцов — требовать немедленной уплаты денег! — Она пожала плечами. — Теперь приходится, как говорят, *faire bonne mine au mauvais jeu*[6] и уплатить.

Молча отперла Ульрика письменный стол и вынула оттуда два свертка с деньгами.

— Вот все наше достояние, — сказала она решительно. — Тут тридцать пять талеров, но на них нам надо жить, потому что не в одном Реймсе отказывают нам в кредите: во всей окрестности не дают нам ни одного лота[7] мяса без немедленной оплаты. Ты не можешь этого не знать, мама.

— Разумеется. Моя мудрая дочка Ульрика довольно часто проповедует мне на эту излюбленную ею тему.

— Я вынуждена идти на это, мама, — спокойно пояснила Ульрика, — так как ты часто забываешь, впрочем, это и понятно, что кредиторы сократили цифру нашего годового дохода с двадцати пяти тысяч до шестисот талеров.

Графиня Трахенберг зажала уши и бросилась к одной из стеклянных дверей; все жесты этой величественной дамы более подошли бы избалованному ребенку. Она рванула дверь, хотела было выбежать вон, но вдруг остановилась, точно вспомнила что-то.

— Ну, хорошо, — проговорила она, снова хлопнув дверью, по-видимому уже немного успокоившись, — только шестисот талеров. Но позвольте же, наконец, спросить, на что они тратятся? Едим донельзя скудно — какой-то нищенский суп, а еще Лена кормит нас рисом, яйцами да молочными кушаньями до тошноты, а порции пекко, которыми ты ежедневно угощаешь нас, становятся все гомеопатичнее. К тому же я облеклась в этот вечный мундир, — тут она указала на свое черное шелковое платье, — который вы соблаговолили подарить мне к Рождеству. Все, что могло сделать мою отшельническую жизнь сколько-нибудь сносной, — новейшие французские книги, конфеты, духи — все это давно сделалось для меня недоступным... А потому я справедливо заключаю, что у тебя денег на расход больше, нежели ты показываешь!

— Ульрика никогда не лжет, мама! — воскликнула возмущенная Лиана.

— Не могу же я отослать обратно на почту извещение! — произнесла графиня. — Прошу закончить эту комедию и уплатить деньги по счету.

— Но где я возьму их? Надо отправить вино назад! — спокойно настаивала на своем Ульрика.

Мать с громким воплем бросилась навзничь на диван и разразилась истерическим хохотом.

Спокойно, со скрещенными руками стояла Ульрика у изголовья дивана и смотрела, как билась и металась графиня в истерическом припадке, и на губах ее мелькала горькая, ироническая усмешка.

— Бедный Магнус! — прошептала Лиана, указав на дверь соседней комнаты. — Как он там встревожится от этого шума! Пожалуйста,

мама, успокойся! Магнус не должен видеть тебя в таком состоянии: что он подумает? — обратилась она не то просительно, не то с упреком к матери.

Возмутительную сцену дочерям не удалось предотвратить всевозможными уступками и покорностью. Лианой овладело справедливое негодование, какое ощущает человек с твердым характером при виде подобного малодушия. Девушка дрожала уже не от страха — чувствовалась уверенность в том, как она подняла руку, серьезно уговаривая мать. Но проповедь ее была гласом вопиющего в пустыне: крики и хохот продолжались.

Дверь в соседнюю комнату действительно отворилась, и Лиана побежала к ней.

— Уйди, Магнус, останься там! — попросила она по-детски растроганным голосом и мягко постаралась удержать входившего брата.

На самом деле не требовалось большой силы, чтобы не впустить в комнату этого худенького и деликатного молодого человека.

— Пропусти меня, маленький Фамулус[8], — сказал он ласково; умное лицо его светилось радостью. — Я все слышал и принес гонорар.

Но при виде графини, бившейся в судорогах на диване, он невольно замер на пороге.

— Мама, успокойся, — сказал он с дрожью в голосе, подходя к ней. — Ты можешь заплатить за вино. Вот деньги — пятьсот талеров, милая мама!

И он высоко поднял руку, в которой держал банковские билеты.

Ульрика тревожно глядела ему в лицо; она сильно покраснела, но брат этого не заметил. Он небрежно бросил деньги на диван, где лежала мать, и развернул принесенную с собой книгу.

— Посмотри, душа моя, вот она наконец! — сказал он растроганной Лиане.

Лежавшая на диване графиня начала успокаиваться. Со стоном провела она по глазам рукой, и сквозь сжатые пальцы ее взгляд, вдруг сделавшийся осознанным, устремился на книгу, которую сын держал в руке.

— Только не возгордись, мой милый маленький Фамулус! — проговорил Магнус. — Наша рукопись вернулась к нам изящным

изданием. Она одобрена наукой и победоносно проходит сквозь перекрестный огонь критики. Ах, Лиана, прочти письмо издателя!

— Молчи, Магнус! — сурово и повелительно прервала его Ульрика.

Но графиня Трахенберг уже сидела на диване.

— Что это за книга? — спросила она.

Ни в грозных чертах ее лица, ни в повелительном тоне не было и следа только что прекратившегося истерического припадка.

Ульрика поспешно взяла из рук брата книгу и обеими руками прижала ее к груди.

— Это сочинение об ископаемых растительного царства, написанное Магнусом, а Лиана снабдила его рисунками, — пояснила она.

— Подай сюда, я хочу ее посмотреть!

Взглянув с упреком на брата, Ульрика подала нерешительно книгу; Лиана же побледнела и сначала судорожно сжала свои тонкие пальцы, а потом закрыла ими лицо: она с детства привыкла бояться этого выражения лица матери, как едва ли боялась адских мук, которыми грозила ей когда-то няня.

— «Ископаемые растения, сочинение графа Магнуса фон Трахенберга», — громко прочла графиня.

Гневно сжав губы, она с минуту пристально и уничтожающе смотрела поверх книги в лицо сына.

— А где же имя художника? — спросила она, переворачивая заглавный лист.

— Лиана не захотела указывать своего имени, — сказал молодой человек совершенно спокойно.

— А, так хоть в одной из этих голов нашлась искра здравого рассудка, пусть слабое, но сознание своего положения!

Она принужденно захохотала и отбросила от себя толстый том с такой силой, что он с шумом пролетел через открытое окно и шлепнулся на каменные ступени террасы.

— Вот где место этой чепухе! — воскликнула она, указывая на книгу, которая при падении открылась на одном из великолепных рисунков, изображавших допотопный папоротник. — О трижды счастливая мать, какому сыну дала ты жизнь! Слишком малодушный, чтобы сделаться солдатом, слишком ограниченный, чтобы быть

дипломатом, он, потомок князей Лютовиских, последний граф Трахенберг, унижает себя до того, что сочиняет книги за плату!

В страстном порыве неудержимого горя Лиана обвила руками худенькие плечи брата, который, видимо, всеми силами старался сохранить внешнее спокойствие, слыша такие оскорбления.

— Мама! Как можешь ты обижать Магнуса? — вспыхнула молодая девушка. — Ты называешь его малодушным? Но не он ли семь лет тому назад, с риском для собственной жизни, вытащил меня из пруда? Да, он решительно отказался от военной службы, но только потому, что его кроткое и мягкое сердце противится кровопролитию... По-твоему, он слишком ограничен, чтобы быть дипломатом, — он, неутомимый и глубокий мыслитель? О, мама, как ты жестока и несправедлива к нему! Он ненавидит лицемерие и не хочет осквернять свой благородный и высокий ум шахматными ходами дипломатического искусства. Я тоже горжусь, очень горжусь своим старинным родом, но никогда не пойму, почему дворянин должен непременно владеть мечом или быть дипломатом.

— А теперь я спрошу, — прервала сестру Ульрика, выходявшая поднять книгу. — Что достойнее имени Трахенбергов: быть творцом замечательного труда или быть в числе несостоятельных должников?

— О, ты! — прошипела графиня, задыхаясь от гнева. — Ты, бич моей жизни! — И она, как безумная, стала метаться по залу. — Не понимаю, что же заставляет меня жить с тобой, — сказала она вдруг со зловещим спокойствием. — Ты уже давно не в том возрасте, когда цыпленку нужно еще покровительственное крыло матери. Я слишком долго терпела тебя, теперь даю тебе волю, неограниченную волю. Поезжай, если хочешь, в продолжительное путешествие по всему свету, ступай куда угодно, только поторопись освободить мой дом от своего присутствия!

Граф Магнус схватил руку девушки. Все трое — брат и две сестры — стояли, дружно обнявшись, перед бессердечной женщиной.

— Мама, ты вынуждаешь меня в первый раз заявить о своих правах как наследника Рюдисдорфа, — сказал тихий и кроткий ученый, покраснев от волнения. — По условиям кредиторов только я имею право на замок и на доходы с него... Ты не можешь лишать Ульрику родного крова — она живет здесь у меня.

Графиня повернулась к нему спиной и направилась к двери. Сын был так неоспоримо прав, что у нее не нашлось ни одного слова для возражения. Она уже взялась было за ручку двери, но вдруг обернулась к нему.

— А ты не смей ни одного гроша из этих предательских денег смешивать с нашей расходной кассой! — потребовала она от Ульрики, указав на лежавшие на диване пятьсот талеров. — Я лучше с голоду умру, нежели дотронусь до чего-нибудь, купленного на эти деньги... За вино я сама заплачу. Слава Богу, у меня довольно еще серебра, уцелевшего после крушения. Пусть же это серебро, на котором ели мои предки, обратится в деньги, по крайней мере, мне будет утешением сознавать, что я угощаю гостей по-княжески, а не на заработанные деньги... Ты же будешь должным образом наказана, — обратилась она к Лиане, — за то, что и ты восстала против матери! Переезжай в Шенверт! Майнау, Рауль, а еще более его старый дядя, вытрясут из тебя сентиментальность и ученые бредни.

С этими словами она вышла, так сильно хлопнув дверью, что эхо разнеслось под сводами всех, даже отдаленных, коридоров.

Глава 4

Прошло пять недель после этой сцены в замке Рюдисдорф. Теперь в нем вовсю шли приготовления к свадьбе. Лет шесть тому назад при подобном событии этот стеклянный замок походил бы на муравейник, потому что графиня любила окружать свою особу такой массой раболепствовавшей перед ней прислуги, как какой-нибудь индийский раджа. Лет шесть тому назад златокудрая фея встретила бы своего жениха в сказочном великолепии, роскошнейшими пиршествами в залитых морем огней обширных залах замка. Теперь же жених брал свою невесту из глубины запущенных садов, из опустевшего замка, украшенного статуями, мраморные колонны которого, свидетели минувшей счастливой жизни, затянуты были паутиной, точно грязными занавесами... В большом зале арендатор ссыпал урожай зерновых; все окна были закрыты белыми ставнями, и если сквозь них проникал солнечный луч, он падал на неподметенный паркет и совершенно пустые стены.

Хорошо еще, что гордые предки с их панцирями, шлемами и украшенными перьями шляпами на рыжих волосах, дамы в воротниках а-ля Мария Стюарт и в пышных платьях из золотой парчи не могли выглянуть из роскошных рам, висевших в портретной галерее, и бросить взгляд в зал, прилегавший к террасе, — они, наверное, выронили бы роскошные веера из павлиньих перьев или бледную розу из своих белых нежных пальцев и в ужасе всплеснули бы руками, потому что там перед старинною мебелью на коленях стояла Ульрика — настоящая Трахенберг, как называла ее графиня-мать, — и обдирала старую, съеденную молью обивку с дивана и кресел, заменяя ее пестрым ситцем, который прибывала сама, своими графскими ручками. Старая Лена усердно вытирала с мебели пыль, стараясь придать ей хоть какой-то лоск. Благодаря вовремя присланным издателем деньгам стояли тут новые плетенные из лозы кресла и подставки для цветов. По белым стенам опять вился зеленый плющ, а из групп широколистных растений спускались до самого пола побеги клематиса и дикого винограда. В пустом до того помещении

стало снова так мило и уютно, как и подобает быть в зале, где назначен завтрак после венчания.

Во время этих приготовлений Лиана, вооружившись маленьким заступом и жестяным ящичком для растений, ходила вместе с братом по лесам и полям, собирая образцы для гербария, точно до этих свадебных приготовлений ей не было никакого дела. Брат же ее, созерцая чудеса природы, совершенно забыл, что его «маленький Фамулус», никогда с ним не разлучавшийся и всегда вместе с ним трудившийся, теперь должен будет покинуть его. С уст сестры то и дело слетали латинские названия или критические замечания, но ни разу не было произнесено имя жениха. Странная это была невеста!

В родительском доме ей иногда случалось слышать имя Майнау, один из князей Лютовиских был женат на ком-то из Майнау, но между отдаленными родственниками никогда не существовало близких отношений. Вдруг графиня Трахенберг стала получать из Шенверта письма, на которые исправно отвечала, и однажды ее сиятельство объявила своей младшей дочери, что дальний родственник ее, барон фон Майнау, просит ее руки, на что и получил согласие графини. Чтобы не допустить никаких возражений, она заявила, что и сама была помолвлена точно так же и что это единственная приличествующая их положению форма помолвки... Потом неожиданно приехал и жених. Лиана едва успела прикрыть большими бархатными бантами растрепавшиеся от ветра волосы, как ее позвали в комнату матери. Что потом было — она смутно помнила. Высокий красивый мужчина, стоявший до ее появления в оконном простенке, пошел ей навстречу; весеннее солнце, светившее в окно, было так ослепительно, что она вынуждена была потупить глаза. Потом он то ли по-отечески, то ли по-дружески говорил с ней о чем-то и, наконец, протянул ей руку, в которую она по указанию матери, а еще более по предшествовавшим тайным и неотступным просьбам Ульрики вложила свою руку. Тотчас же вслед за этим он уехал, к несказанному удовольствию графини Трахенберг, мысли которой во время помолвки, точно привидения, носились в пустых погребах, где виднелись только бутылки со смородиновой наливкой. А старая Лена напрасно ломала себе голову, как бы ухитриться приготовить обед для графского стола, имея в запасе всего пяток яиц да остаток жареной телятины.

Все, что касалось свадьбы, было решено женихом и матерью невесты в переписке, и только свадебный подарок сопровождался коротенькой запиской к Лиане, запиской изысканно вежливой и любезной, однако холодной и формальной. Да и Лиана пробежала ее равнодушно, и с тех пор эта записка лежала в ящике вместе с подарком.

Все было так безукоризненно прилично и так «аристократично», а «повиновение» Лианы так беспрекословно, что графиня осталась вполне довольна и через несколько дней после бурной сцены стала опять обедать вместе с детьми и даже иногда обращалась к ним с милостивым словом. Конечно, она не догадывалась, как сильно страдала молодая девушка от предстоящей разлуки; впрочем, Лиана умела скрыть это даже от брата и сестры...

Настал день свадьбы. Проснувшееся июльское утро было пасмурным и сырым. После жарких сухих дней шел освежающий дождик и серебристыми каплями падал на широкие листья растений и пестрые лужайки. На ветках деревьев и кустарников и на крыше замка громко чирикали птички, а старая Лена, хлопотавшая около плиты, загляделась в окно, радуясь, что венок невесты будет окроплен дождем.

Одна только карета, да и та нанятая на ближайшей станции железной дороги, подъехала к крыльцу Рюдисдорфского замка. Пока она отъезжала и наконец скрылась в одном из громадных пустых сараев, двое приезжих медленно поднялись на крыльцо замка. Барон Майнау был чрезвычайно аккуратен: он приехал, как и было условлено, за полчаса до венчания.

— Господи помилуй, и это жених! — вздохнула старая Лена и отошла подальше от окна.

На террасе широко растворилась стеклянная дверь, и графиня поспешила навстречу гостям. Дождевые капли падали на ее темно-фиолетовое бархатное платье с длинным шлейфом и сверкали на взбитых черных волосах рядом с несколькими уцелевшими после крушения бриллиантами. С томным взглядом приветливо протянула она барону тонкие, изящные руки в богатых кружевах, и кто бы мог вообразить, что эти руки в минуты бешенства способны были с силой фурии швырнуть тяжелый предмет и пробить им застекленную раму.

От дождя приезжие укрылись в комнате графини, и там Майнау представил ей своего шафера, господина фон Рюдигера. Среди веселой болтовни светского разговора раздавались крики ара в оконной нише, а на выцветшем ковре, ворча, играли два крошечных белоснежных пуделя... Если бы не гирлянда, которую сплела старая Лена, чтобы украсить к приезду жениха входную дверь, и не по-княжески роскошный туалет графини, никому не пришло бы в голову, что в этом доме готовится брачное торжество, — так пуст и банален был разговор, затеянный графиней, так равнодушно, спокойно и неподвижно стоял у окна жених в элегантном черном фраке и смотрел на двор замка, где теперь снова воцарилась тишина, прерванная только на минуту шумом колес привезшего его экипажа. Хотя Рюдигеру известно было, при каких условиях заключался этот брак, и он был слишком светским человеком, чтобы не находить все это в порядке вещей, эта страшная пустота и безмолвие пугали маленького подвижного господина, и он вздохнул свободно только тогда, когда, наконец, медленно и торжественно отворилась противоположная дверь.

Вошла невеста под руку с братом и в сопровождении Ульрики. Вуаль закрывала лицо и падала ей на грудь, а сзади касалась подола ее скромного белого тюлевого платья с высоким воротом, кое-где подколотого миртовыми букетиками, да несколько веточек мирта украшали ее голову. Напрасно ваш взгляд стал бы искать тяжелого, затканного серебром подвенечного туалета. Бедная невеста из бюргерской семьи не могла бы придумать себе более скромного наряда. Она вошла с опущенными глазами, а потому не заметила сначала удивленного, а потом сострадательно-насмешливого взгляда, которым смерил ее барон Майнау; но она невольно содрогнулась, когда мать с ужасом окликнула ее:

— Что это значит, Лиана? На кого ты похожа? С ума ты сошла?

Таково было благословение, которым разгневанная графиня встретила молодую девушку, готовившуюся сделать решительный шаг в своей жизни. Она была до того взволнована, что забыла обо всем и уже подняла было руку, чтобы вытолкнуть дочь за порог.

— Ты сейчас же возвратишься в свою комнату и переоденешься!

Но тут она невольно замолчала: барон Майнау сжал ее дрожащую руку; он не сказал ни слова, но взглядом и движением так энергично и

красноречиво потребовал прекратить дальнейший разговор на эту тему, что графине поневоле пришлось уступить.

Из-за притворенной двери выглядывала старая Лена и, затаив дыхание, ждала минуты, когда жених заключит в свои объятия ее «прекрасную стройную графиню» и в первый раз поцелует ее. «Этой дубине» и в голову не приходило приветствовать свою невесту поцелуем; он ограничился тем, что сказал ей несколько ласковых слов, поднес как бы нехотя к губам ее руку, едва коснулся ее, точно боялся сломать эти хрупкие пальчики, и подал ей букет великолепных цветов.

— Цветы у нас у самих есть, — проворчала старуха, и взгляд ее машинально скользнул по длинному коридору, усыпанному зеленью и цветами...

Вслед за тем зашуршало злополучное тюлевое платье по рассыпанным розам и герани, а графиня-мать, шедшая под руку с Рюдигером за женихом и невестой, своим тяжелым бархатным шлейфом сметала в кучи эти бедные цветы.

Мраморные изображения апостолов, украшавшие алтарь и кафедру церкви Рюдисдорфского замка, не раз видели бледное, грустное лицо невесты и слышали холодное «да» из уст равнодушного жениха, потому что в роде Трахенбергов не существовало обычая не только поощрять «сентиментальную любовь», но даже осведомляться, по сердцу ли невесте избранный для нее жених.

Но такой скромной, без пения и органа, свадьбы здесь не было еще никогда. Жених решительно воспротивился присутствию лишних свидетелей и любопытных зрителей, которым нравится посплетничать о женихе и невесте. А им было бы о чем пошептаться друг с другом: красивый господин хотя и рыцарски вежливо подвел к алтарю свою невесту, но не удостоил ее ни одним взглядом. Только раз, когда они преклонили колена, принимая благословение, казалось, глаза его на минуту остановились на невесте, на ее длинных густых косах, которые, подобно красновато-золотистым змеям, извиваясь вдоль ее платья, лежали на белых плитах пола.

И как торопился он по окончании обряда! Священник слишком долго говорил, а надо было непременно поспеть на следующий поезд... Дождь усилился, и монотонный звук капель, ударявших в пестрые стекла церковных окон, был единственной музыкой, сопровождавшей брачный обряд. Но под конец солнце проглянуло

сквозь серые тучи и заискрилось разноцветными огнями в брызгах фонтана, осветило темную длинную аллею, высокую траву на лужайках, и под его теплым дыханием исчезли все серебристые росинки с цветов, нежный луч заиграл на львиных головах массивного серебряного сосуда со льдом, единственного представителя блестящего прошлого, стоявшего на столе в зале, где был приготовлен свадебный завтрак. Завтракали стоя. Сестры и брат ни к чему не прикоснулись и не принимали участия в общем разговоре. Они стояли вместе, разговаривая вполголоса, и граф Магнус с глазами, полными слез, держал руку Лианы — только в эту минуту, казалось, осознал он свою утрату.

— Юлиана, могу я просить тебя поторопиться? Пора ехать! — сказал вдруг барон Майнау, прерывая разговор.

Он подошел к своей молодой жене и указал ей на свои часы, ослепившие ее холодным блеском крупных бриллиантов. Она испуганно вздрогнула — в первый раз этот голос произнес ее имя; правда, барон говорил ласково, но как чуждо и холодно прозвучало оно в его устах! Даже строгая и бездушная мать никогда так не называла ее... Она слегка поклонилась ему и всем присутствующим и в сопровождении Ульрики вышла из зала.

Молча и торопливо, будто преследуемые, поспешили сестры наверх, в свою общую комнату.

— Лиана, он страшен! — вскричала Ульрика, когда дверь за ними затворилась, и, заливаясь слезами, обыкновенно спокойная и невозмутимая девушка бросилась на диван и спрятала свое лицо в подушках.

— Тише, тише, не надрывай мне сердца! Разве ты ожидала чего-нибудь другого? Я — нет, — убеждала ее Лиана, и горькая улыбка мелькнула на ее побледневшем лице.

Она осторожно сняла с головы миртовый венок и положила его в ящик, где до сих пор хранились разные вещицы, напоминавшие об институтской жизни... Через несколько минут подвенечный наряд был заменен серым дорожным платьем и круглой шляпкой с густой вуалью, подвязанной у шеи бантом, а изящные ручки затянуты в перчатки.

— А теперь пройдем в последний раз к отцу, — сказала торопливо Лиана и взяла зонтик.

— Подожди еще минуту, — попросила Ульрика.

— Не задерживай меня, я не должна заставлять Майнау ждать, — серьезно произнесла Лиана.

Она обняла сестру и вместе с ней вышла из комнаты.

Так называемая мраморная галерея находилась в бельэтаже, как раз над террасой, примыкавшей к залу, где подавался свадебный завтрак.

В полумраке из-за прикрытых ставней сестры прошли ее всю и достигли противоположного конца, где дневной свет скупо просачивался сквозь узенькие щели ставней и бросал бледные полосы на блестящий, как зеркало, красивый мраморный пол. Ульрика бесшумно отворила ставень. Оставляя в тени все портреты красноволосых рыцарей, свет сосредоточился на изображении почтенного старика, сидевшего у темного бархатного занавеса, положив на стол полную белую руку. Отличительная черта рода Трахенбергов — огненно-рыжий цвет волос и усов — заменилась здесь необыкновенно мягким серебристым оттенком.

— Милый, милый папа! — прошептала Лиана, простирая к нему сложенные руки.

Она была его любимицей, его сокровищем, его гордостью; сонная головка девушки часто покоилась на его груди, и даже во время борьбы со смертью ее одну ласкала его холодеющая рука.

Сбоку виднелся другой портрет, на котором изображена была высокая, худая, застывшая женская фигура. Длинный шлейф ее платья был окаймлен горностаем, желтоватый цвет обнаженных плеч резко подчеркивал белизну меха, на взбитых волосах сверкала маленькая корона. То была бабушка Лианы по отцовской линии, тоже принцесса одного из мелких германских княжеств. Под туго стянутой шнуровкой билось сердце, которое ни разу в жизни не было согрето теплым чувством любви; ясные глаза безжалостно смотрели на внучку, с разбитым сердцем и слезами оставляющую старый родовой замок, чтобы вступить в новую, блестящую и богатую жизнь. Сухая рука, державшая веер, осыпанный бриллиантами, простерта была в глубину зала, как будто, указывая на весь этот ряд портретов, бабушка хотела сказать: «Это все супружества по расчету со знаменитыми родами — призвание их не в любви, а в умении вечно властвовать...»

И новобрачной почудилось, как будто дрогнули уста предков и шепот пробежал по бесконечной галерее, но то был всего лишь

сквозной ветер, ворвавшийся в отворенное окно. Внизу, на террасе, раздались торопливые мужские шаги и смолкли как раз под окном галереи. Сестры украдкой посмотрели вниз. Барон Майнау стоял вполоборота к перилам террасы и смотрел вдаль. Теперь он вовсе не походил на холодного, сдержанного жениха, так пунктуально и безукоризненно совершившего все формальности брачного обряда. Он, видимо, старался сбросить с себя все то, что хотя бы на короткое время принудило его гордую и пылкую натуру сыграть шаблонную роль. Он, совершенно готовый к отъезду, курил сигару, голубоватый дымок которой поднимался до самой мраморной галереи.

— Я не говорю «красавица». Боже мой, это понятие весьма условно! — говорил его друг Рюдигер, высокий, мягкий голос которого уже раньше доносился отдельными звуками до сестер, теперь же ясно и отчетливо слышалось каждое его слово. — Конечно, у Лианы нет ни греческого, ни римского носа, да что до этого! Ее личико и без того чрезвычайно мило.

Барон Майнау пожал плечами.

— Гм, пожалуй, — сказал он непривычно насмешливым тоном, — скромная и добродетельная девочка робкого характера, с мечтательным выражением лица и светло-голубыми глазами а-ля Лавальер — чего же еще!

Он вдруг остановился и быстрым движением обвел рукой открывавшийся вид.

— Посмотри-ка лучше сюда, Рюдигер! У того, кто планировал Рюдисдорфский парк, была гениальная голова! Ничто не могло бы придать большего эффекта архитектуре в стиле ренессанс, как эти чудесные группы буковых деревьев.

— Да что об этом говорить! — отозвался Рюдигер. — Ты знаешь, что я в этом ничего не понимаю. То ли дело прекрасные глаза или прекрасные волосы женщины. Вот, например, что за чудные косы лежали сегодня пред алтарем, у твоих ног!

— Несколько полинявший оттенок трахенбергского фамильного цвета, — равнодушно отметил Майнау. — Пожалуй, тициановские волосы теперь в моде, и новейшие романы изобилуют рыжеволосыми героинями, и все они любимы... Впрочем, это дело вкуса. У моей возлюбленной подобное было бы немыслимым, но у жены...

Он стряхнул пепел сигары, постучав ею о перила, и спокойно продолжал курить.

Лиана инстинктивно скрыла свое лицо под густой вуалью; даже сестра, с невыразимой болью смотревшая вниз на говорившего, не должна была видеть краски стыда и унижения, залившей ее щеки.

Еще ниже, в цветнике, графиня Трахенберг прогуливалась с пастором. Завершив свой разговор с ним, она быстро подошла к террасе и стала неторопливо подниматься по ступеням.

— На одно слово, дорогой Рауль! — попросила она, взяв того за руку.

Медленно прохаживаясь с ним по террасе, болтала она об отвлеченных предметах, пока Рюдигер и пастор не отошли настолько, что не могли услышать ни одного ее слова.

— *À propos*, — сказала она, внезапно остановившись. — Ты не сочтешь меня нескромной за то, что взволнованное сердце матери побуждает меня в последнюю минуту затронуть несколько щекотливый вопрос... Могу я узнать, сколько ты назначаешь Лиане «на булавки»?

Сестры могли видеть, как насмешливо взглянул он на женщину с «взволнованным материнским сердцем».

— Столько же, сколько давал моей первой жене: три тысячи талеров.

Графиня одобрительно кивнула.

— О, она должна радоваться; я, выйдя замуж, столько не получала!

Майнау насмешливо улыбнулся ее глубокому вздоху, которым она сопровождала свое восклицание.

— Не правда ли, Рауль, ты будешь в какой-то мере добр к ней? — прибавила она с притворной озабоченностью.

— Что вы хотите этим сказать, тетушка? — Он, замедлив шаг, бросил на нее удивленный взгляд. — Разве вы считаете меня настолько бестактным, что допускаете, будто я могу забыть, что обязан оказывать уважение женщине, носящей мое имя? Но если вы требуете чего-нибудь большего, то это будет против нашего уговора. Мне нужна мать моему ребенку и хозяйка в моем доме, которая могла бы следить за порядком в мое отсутствие, поскольку я намерен надолго, очень надолго отлучиться. Все это вы знали, когда рекомендовали мне Юлиану как кроткое и женственное существо, вполне

соответствующее моим желаниям... Любить ее я не могу, но буду настолько добропорядочен, что не стану возбуждать любви и в ее сердце.

Заливаясь горькими слезами, Ульрика обняла сестру и прижала ее к своему сердцу.

— Бога ради, не раздражайся так, Рауль! — сказала струхнувшая графиня. — Ты совершенно не понял меня. Кто говорит о сентиментальностях? Уж я, конечно, менее всех думаю о них... Я только просила твоего снисхождения к ней. Ты сегодня сам видел, до чего может дойти эта «женственная натура», — сыграть такую шутку со своим подвенечным нарядом!

— Оставьте это, тетушка: в этом случае Юлиана могла действовать, как ей было угодно. Пусть и всегда так поступает, если только сумеет приспособливаться к обстоятельствам...

— За это я ручаюсь. Боже, невыразимо грустно признаться, но Магнус — колпак, человек без всякой энергии, нуль, и именно те качества, которые я в нем презираю, украшают его сестру. Лиана необыкновенно простодушное дитя, и, когда Ульрика, этот злой гений моей семьи, не будет иметь на нее влияния, ты сможешь вертеть ею, как захочешь.

— Мама очень быстра в своих суждениях, — сказала с горечью Лиана, когда шаги внизу стихли. — Она ни разу не потрудилась вникнуть в мою духовную жизнь — мы выросли на руках чужих людей... Но о чем ты плачешь, Ульрика? Мы не имеем права бросить камень в этого бездушного эгоиста. Разве я спрашивала свое сердце, когда отдавала ему руку? Я сказала «да» из страха перед мамой.

— И из любви ко мне и Магнусу, — добавила Ульрика еле слышно, как бы изнемогая от отчаяния. — Мы употребили все усилия, чтобы уговорить тебя; мы хотели спасти тебя от ада домашней жизни, не сомневаясь ни одной минуты, что тебя должны полюбить везде, куда бы ни забросила тебя судьба, а теперь, к несчастью, я вижу, что в любви тебе будет отказано. Ты, такая молодая...

— Молодая?.. Ульрика, мне в будущем месяце исполнится двадцать один год; мы много горя пережили вместе, и я далеко не дитя по опыту, уже научилась правильно воспринимать жизнь... Не беспокойся обо мне, я не жажду любви Майнау и настолько горда, что не оставлю его в заблуждении на сей счет. Мой институтский аттестат,

свидетельствующий о моих познаниях, особенно о моем знании языков, придает мне стойкости; сегодня не баронесса Майнау переезжает в Шенверт, а только воспитательница маленького Лео. Мне предстоит благородная миссия, и, может быть, я буду иметь возможность сделать доброе дело, а большего мне и не надо... Простимся теперь, Ульрика, оставайся здесь, подле отца, а мне пришло время покинуть его дом!

Она несколько раз обняла сестру и, высвободившись из ее объятий, побежала по галерее к комнате матери; там у окна стоял Магнус и смотрел на подъехавшую к крыльцу карету.

В это время графиня шла по двору замка с Майнау, Рюдигером и пастором. Хорошо, что она не могла видеть, как ее сын, «колпак», «человек без всякой энергии», с горькими слезами обнимал сестру. В какой гнев привело бы ее это раздирающее душу прощание, которое так мало соответствовало его положению.

Опустив вуаль, Лиана твердым шагом сошла с лестницы.

— Ступай с Богом, и да сопутствует тебе мое благословение, дитя мое! — сказала графиня с театральным жестом и коснулась рукой головы дочери, потом приподняла вуаль и запечатлела на ее лбу холодный поцелуй.

Через несколько минут карета уже катилась по шоссе, ведущему к ближайшей станции железной дороги.

Глава 5

После четырехчасового пути путешественники въехали в столицу. Тут перед молодой женщиной предстала новая жизнь во всем своем очаровании. Для переезда в Шенверт, находившийся от столицы на расстоянии одного часа пути, был выслан необыкновенно изящный и роскошный экипаж, мягкие подушки которого, обитые белым атласом, явно должны были лелеять избалованную роскошью красавицу, а Лиана в своем простом сером дорожном платье скорее походила на дочь какого-нибудь угольщика, которую сказочный принц похитил в лесу, чтобы перевезти в свой замок.

Пока Рюдигер усаживался рядом с Лианой, Майнау вскочил на козлы и взял в руки вожжи. Он сидел с гордой небрежностью, а управляемые им лошади бешено неслись по широкому гладкому шоссе, прорезывавшему насквозь часть парка... Далее показался пруд, над рыбачьей деревней вилась целая стая белых голубей... Всюду было тихо и безлюдно. Но вот дорога свернула в лесную чащу, и только кое-где сквозь густую листву мелькал освещенный ярким солнцем красивый пейзаж. Вдруг впереди, шагах в пятидесяти от них, выехала из чащи дама в амазонке — казалось, она поджидала летевший по лесной дороге экипаж.

— Майнау, герцогиня! — крикнул Рюдигер, вскочив в испуге, но барон Майнау ловким движением уже сдержал чудных рысаков, и они пошли мерным шагом.

Из леса выехала еще одна дама в амазонке и последовала за герцогиней. Они быстро приближались. В эту минуту герцогиня походила на ангела смерти, скачущего на коне по бранному полю: длинная черная бархатная амазонка ее развевалась, черные с синеватым отливом волосы были собраны на затылке, а прекрасное лицо смертельно побледнело, и даже губы казались бескровными.

— Здравствуйте, барон Майнау! — приветствовала она возницу. Майнау отвесил низкий поклон.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ